

Сергей Васильевич Максимов

Очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

C32   **Сергей Васильевич Максимов**
Очерки / Сергей Васильевич Максимов – М.: Книга по Требованию, 2012. –
44 с.

ISBN 978-5-4241-3089-2

Драгоценнейшее свойство г. Максимова заключается в его близком знакомстве с народом и его материальною и духовною обстановкою. В этом смысле рассказы его должны быть настолькою книгой для всех исследователей русской народности...

— М. Е. Салтыков-Щедрин

ISBN 978-5-4241-3089-2

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Максимов Сергей Васильевич
Произведения, не входившие в
сборники

ЧУХЛОМА

Гродок Чухлома, как и большая часть ему подобных, был первоначально не иное что, как куча беспорядочно сгруппированных лачужек, в общем имевших название села, деревни. При учреждении штатов Екатериною II этой груде домишек дали название уездного города, приходскую церковь назвали собором, присланы были чины, и между ними один особенно должен был заботиться о том, чтобы сосед при постройке нового дома не пригонял бы своего двора и хлевов к окнам и фасаду соседнего дома: если же желал строиться на главной проезжей улице, то не выдвигал бы своей хаты дальше линии соседних домов и прятал бы углы подальше с глаз долой, не вырубал бы четного числа окон, загораживал бы двор забором, по возможности бревенчатым или дощатым, рыл бы канаву против дома и потом каждую весну осматривал бы ее и прочищал. При новых порядках горожане плакались друг другу, горевали, жаловались на крутые тяжелые времена и ходили с поклоном и приносом к градоначальнику, чтобы претворил гнев на милость, не велел бы ломать и крушить отцовских наследий, а давал бы им дотгивать самим при пособии только весенних дождей да осенних непогод. И новопожалованный городок оставался бы в том же плачевном виде, такой же серенький и гниленький, каким был и до штатов, если бы тотчас не посещали его беды непрошеные, всегда от бабьей глупости или ребячих шалостей. Сайки пекут да не к месту сгребут уголья, овин топят да не погасят, с лучиной пойдут на подклеть да забудут лучину под соломой, баловливых ребятишек оставят дома да не отберут у них огнива и трута; смотришь — и зарделся городок заревом на дальнюю и ближнюю окольность; и вспыхнет, как порох, вся эта гниль деревянная в смеси с соломой и смолой, а тут как назло и ветер-то понесет на строения. В эти три часа городка как не бывало, только печи одни да кое-где черемуха, обгоревшая по вершине, остаются свидетелями недавнего пожарища. Весь же обгоревший люд, перепачканный сажей, в лохмотьях, небольшими кучками-семьями бродит из одной соседней деревни в другую, прося у доброхотных дателей на погорелое место. На будущее же лето городок забелеет новыми домами, складется церковь каменная с новыми громкими звонами, присланными из Москвы каким-то благотворителем, не велевшим объявлять свое имя и место жительства, и ведет обстроившийся городок свою эпоху от пожара до другого и готов считать важным событием в своей жизни и постановку на крышу кадушек со шваброй, и проезд губернатора или архиерея, и проход армейского полка с барабанами и отрывистой песней, и рекрутский набор с бабьим воем и раздирающей душу песней, и замещение старого чиновника новым. Такова участь всех тех городков уездных, которые заброшены далеко от больших судоходных рек и торговых трактов, как бы, например, и костромская Чухлома. Судьба указала ей место подле озера, сравнительно, пожалуй, и большого, но не обильного рыбой настолько, чтобы дать ему известность хоть даже и такую, какую дали ерши озеру Галицкому. Вся выгода Чухломы в этом отношении, стало быть, только та, что она никогда почти не сидит без рыбы, имеет под руками хорошую чистую воду, но, как брошенная в глушь, имеет незавидные, далеко не блестательные преимущества. Два-три раза в неделю суждено ей слушать звон почтового колокольчика; с одним отвозят, с другим привозят почту, необычный

звон уже интересует всякого от мала до велика, едет ли это вечно мятущийся в вечном разгоне становой, проведавший про какое-нибудь мертвое тело в уезде, или хлопотун-исправник и другие чиновники отправились на именины или крестины или родины к ближайшему соседу помещику, у которого сохранились завещанные отцами и дедами гостеприимство и хлебосольство, стародавние, сгустившиеся и до половины кристаллизовавшиеся наливки и десятки сортов разных печений, солений, пряженья. И коротает свою скучную в однообразную жизнь уездный житель, распределяя ее по крайнему разумению и завету отцов и подчиняясь неизменным законам и указаниям времен года. Запирается он на всю холодную снежную зиму в своих теплых домах и топит их до жаркой температуры дешевыми, почти непокупными дровами. Время это — для одних время преферансов, ералашей и вистов, крепких пуншей и сытных ужинов, подчас предваряемых танцами; для других — время посидок с песнями и плясками и супрядков с пряжей, но без плясок и песней, и для всех вообще — с рыбным столом до святок, с свининой и хворостом, сушеным печенем после святок, с блинами и катаньем на масленице и хреном да редькой в великом посту. А между тем незаметно проходят морозы одни за другими: на рождественские уездный люд не ел до звезды, на Крещенье — до воды, афанасьевско-тимофеевские и последние морозы — власьевские — потрещали в полях и в углах на улицах и не принесли с собой и за собой ничего особенного. Только на сорок мучеников пекут уездные жители жаворонков из теста да кресты на средокрестной неделе, а там — и Пасха с куличами, творогом и яйцами и Дарья (19 марта), на которую расстилают для беленя красна по замерзям; а вот и весна — мать-красна, по народному присловью. С весной и легче дышится и веселей гуляется, с первыми признаками этого благодатного светлого времени года у всех на душе и свежо и привольно — и у этого пестрого хоровода, сбившегося на лужку подле собора, и в кучке ребятишек, щелкавших в бабки или играющих в пристенок тут же подле, и у той толпы взрослых бородатых мужиков, которые загородили всю городскую улицу и ездят верхом друг на друге — стена на стене — по уставу ломовой игры в городки; все весело спуталось, и всем хорошо, в чехарде одним, в горелках другим и в гуляньях по аллеям почтовой дороги третьим. Так по праздникам, а по будням хозяева на Еремея-запричальника подымают сетев с овсом и рожью, хозяйки сеют горох и рассаживают по грядам рассаду капусты и свеклы, на вешнего Николу городьбу городят и выгоняют лошадей на ночину, коровы еще с Егорья (23 апреля) гуляют в поле. На Федота (18 мая) развертывается дуб с пятак, на Федосью (29 мая) рожь пойдет в колос, а затем и в налив, по гумнам вереницы мышей побегут, и наступит лето с земляникой от Иванова дня, с черникой от Прокофья-жатвенника (8 июля) и с грибами и свежей рыбой от Петра и Павла. Пошел городской люд всех сословий и возрастов на луга — с ягодами вернется домой, пошел на бор — грибов принесет; в сладость ему и в удовольствие всякого рода новая новинка с неизбежным трепаньем за правое ухо. И так же однообразно и немногосложно идет и летняя жизнь на свежем, здоровом воздухе, как шла в запертых и теплых комнатах и избах зимняя жизнь уездного городка. Резко выдается всякое редкое событие, по-видимому, простое и обычновенное, но временно делающееся чем-то торжественным, праздничным. Таков особенно приезд местного архиерея, ревизующего свою епархию. За несколько недель знает об этом все население городка от мала до велика и за несколько дней

уже окончательно готово к его приему. Исправник со становыми и благочинные уехали уже на заставу, соборная церковь вымыта, и из-под колокольни вынесен весь лом: измятые паникарила и подсвечники; священники, появляющиеся на улицах в новых рясах и шляпах, перепоясаны праздничными вышитыми поясами, в перчатках и с камышовыми, также праздничными, палками; к отцу протопопу принесли много сортов всяких вин и рыб, в доме его поселился лучший городской повар, обнаруживший свое присутствие страшным хлопотаньем и стуком на целый город. И вот наступил давно ожидаемый день: народ, явившийся было на ограду с косами и ведерками, всей массой высыпал на большую дорогу и расположился по почтовым аллеям, городские разместились частью за околицей, частью подле церкви — все ждет готовое и нетерпеливое. Пономарь давно уже просвещивается на соборной башне между колоколами и ждет только сигнала — первой пыли, на большой дороге. Из ближнего села несетя беззаборный перезвон все учащенное, все время от времени живее и резче; звон этот раздается долго и не перестает ни на минуту: видно, владыко в селе не остановился и продолжает ехать дальше под звон городских колоколов на общее удовольствие и радость. Два дня городок занят этим и потом целую неделю ведет разговоры о том, что сказал владыко дьякону Илье, что благочинным, что отцу протопопу, и потом долго вспоминает о том же, если не предстоит ему новый сюрприз — в приезде губернатора — далеко уже не так мирном и кротком. Губернатора ждут не неделей, а месяцем раньше в присутственных местах, из которых казначейство всегда каменное, ежедневно поднимает пыль столбом, дым коромыслом, у сторожей бороды выбриты и даже прорезаны в некоторых местах бритвой; приказанной люд причесался, и обчистился снаружи; на почтовой дороге и денно и нощно целые волости мужиков работают и горстями, и боками, и лопатами и топорами. Смотришь, дороги и узнать нельзя: на мостах новые перекладины, перила стоят прямо и весело поглядывают своей свежей дымчатой краской с красными и белыми полосками; самая дорога как ладонь, ям и рывтин, от которых захватывало дух и замирало сердце у всякого проезжего, как не бывало; подле городской будки, всегда пустой и необитаемой, откуда ни взялся инвалид с алебардой; в присутственных местах не найдешь уже ни одного стекла битым, у винных подвалов, вместо одного, поставлено трое часовых, и солдатские штаны, рубашки уже припрятаны с глаз долой куда-то дальше; даже свиньи, всегдашние, неизменные свиньи, сквозь землю провалились; на почтовых станциях, вместо двух заветных пар лошадей, согнали по 20 и 25 пар из окольных обывательских; по соседним лесам раздалось щелканье из ружей в дичь, назначенную к столу начальника губернии; по рекам и озерам замелькали огоньки в ночной ловле рыбы с острогой. Все принарядилось и приготовилось к предстоящему торжеству и как будто замерло, чуя скорую и сильную грозу: народ не толпится ни на улицах, ни на почтовой дороге, пономарь не стоит на колокольне, все идет иным путем, исправника давным-давно нигде не видать, становые как будто сгинули да пропали. Глухо, как будто с того света, время от времени ходят нерадостные слухи, сообщаемые вполголоса, что его превосходительство там-то на исправника пригрозил, там-то судью и казначея обещал под суд отдать и в острог посадить, там-то городскому голове бороду выщипал, там-то на почтмейстера и благочинного обещал пожаловаться почтовому и духовному начальству, смотрителя уездных училищ не принял с представлением, учителей выгнал вон. И замирает

уездный люд в какой-то безысходной истоме, с обливающимся кровью сердцем и окончательно падает духом, когда заслышишь зловещие десятки почтовых колокольцев и выскочит в город первая тройка с запыленным, непроспавшимся, перепуганным до последнего нельзя исправником. Благополучно ли, с громом ли и молнией пронесется гроза, все же время и привычка возьмут свое, и уездный городок опять вступит в свою колею, во все права своей однообразной, безысходной, скучной жизни; к хорошему и окончательному довершению плачевной картины за летом наступает безотрадная осень с грязью по колена на улицах, с грязью выше колен по задворьям, с ливнями без перемежки на целые недели, с завываньями холодных ветров в трубы и во все скважины утлых деревянных домишек. Требуются двойные рамы и принеровка к той одуряющей зимней жизни, срок которой так длинен и до безобразия утомителен. На семь месяцев опять запирается весь уездный люд в своих домах, домиках и домишках, развлекаясь на первых порах моченьем и соленьем брусники и клюквы, вяленьем брюквы и репы с репорезова дня (15 сентября) и лакомясь свежей пшенной кашей с свежим льняным маслом на Пятницу-льняницу (28 октября) и капустницу — порою свежей капусты в начале октября. А там и Кузьма и Демьян с гвоздем, Михайло с ледяным мостом, Федор-Студит — на дворе студит, а на Введенье приезжает и сама зима, в теплой одежде, на пегой кобыле.

Счастлив тот уездный городок, на бедолье которого судьба выкинула счастливый жребий собирать у себя раз в неделю по будничным дням людные базары с громким народным смехом, в котором так много жизни, и вдвое счастлив городок этот, если в нем бывает ярмарка, если только не отняло от него этого счастливого права ближнее село, поставленное в лучших обстоятельствах, на более бойком и удобном месте.

Ярмарка — такое событие, которое способно мутить и волновать всю ближнюю и дальнюю окольность уездного городка. За несколько недель думают об этом в городе и с полнейшим нетерпением и интересом следят за всеми приготовлениями: как появляются, бог весть откуда, груды досок, жердей, как из них образуются балаганы, как балаганы эти заставляют всю городскую площадь и ширину ее и как, наконец, начинают появляться в городе набитые доверху, закрытые кожей и плотно перевязанные веревками возы с товарами. Парочки лошадок с кибиткой привозят бородатых хозяев-оферней, накануне самого дня ярмарки — в так называемое *подторжье* — с раннего утра собирается деревенский люд в своих одноколках, на разбитых, измученных лошаденках. К вечеру в этот день весь городок, до того всегда спокойный и тихий, наполняется разнохарактерным густым бестолковым гулом, из которого нет никакой возможности выделить что-либо общее, имеющее какой-либо частный смысл и значение. Резче выдаются голоса близких, и гулом мельничных колес в густом бору отзываются дальние ряды всего ярмарочного народа, явившегося сюда за барышами и с надеждою на прибыльный сбыт и лучшую участь, чем была та, которую несет православный народ до ярмарки. Нет ни одной одноколки, внутри которой не лежало бы какого-нибудь предмета для сбыта — масла, ниток, сермяги, холста, пряжи, и нет ни одного хозяина, которого не мутило бы желание приобрести взамен своего что-нибудь из чужого: суконную шапку, решемской кафтан, галицкой выделки овчинку, макарьевские валенки на зиму, ивановского ситцу, московский платок, и проч., и проч. К ночи город насыщается в сто — в двести раз

плотнее и разнохарактернее; некоторое время в сумерках бродят еще к нам разные новые лица, из которых большая часть только раз в год — и именно в этот раз — видит свой уездный город, но скоро все мало-помалу стихает, гул редеет, и все, как бы сговорясь и по какому-то незримому приказу, смолкает, и город становится как будто вымершим, как вымирал во все будничные дни до ярмарки. Спит и богатый мужик в доме обывателя — старинного знакомого человека, с которым давно уже доводится водить ему хлеб-соль, спит и бедняк — оборванный, замученный мужичок, свернувшись калачиком на своей неуклюжей коротенькой одноколке, рядом с сердобольной хозяйкой-сожительницей, во всем покорной, ни в чем не перечащей своему мужу, спит на отводной квартире и чиновник дальнего городка, в котором не бывает ярмарки, приехавший сюда закупить огурцов и разной столовой и чайной посуды для домашнего обихода, спит и купец в своем балагане, более всех счастливый, более всех выигрывающий в общем смятении, на которое завтра поутру посмотрит с живейшим участием весь городской народ, а вечером и он поплется туда же в ряды, сначала присмотреться и приторговаться, чтобы на другой день уже обезлюдевшей ярмарки сделать и себе годичный запас всего крайне нужного и неизбежного.

Не без сожаления, не без сердечного участия и не всегда сдерживаемой тоски смотрят потом все городские, как прежним порядком выезжают вон из города значительно обмельчавшие купеческие возы и как будто увозят их радость, с которою они встречали те же возы дня за три; в церквях уже не слыхать веселого праздничного перезвона, улицы по-прежнему пусты, хотя и значительно сорнее, чем были до ярмарки, балаганы ломают и убирают до последнего колышка, до последней щепки.

— Ужаси как жалко, так что плакать хочется, что всего только в три дня ярмарка кончилась, даже и потанцевать не удалось нынче! Хоть бы полк пришел! — вздыхают городские барышни на первых же днях после ярмарки.

— По указу губернского правления ярмарке местной дозволено производить торг только в течение трех суток с 24 по 27 включительно! — успокаивает барышень городской любезник, но никогда не достигает своей цели; барышни настойчиво требуют, чтобы ярмарка продолжалась непременно месяц, два, три, четыре... чтобы полк стоял в это время, чтобы актеры привозили театр; любезник успокаивает их тем, что зависит все отволи начальства и что нельзя же так, чтобы все время была ярмарка, надо же и в присутствие ходить, а то в делах произойдут упущения.

Все успокаиваются на том заключении, что в губернском городе жить лучше, а еще лучше в столицах, где каждый день ярмарка.

— Ну, батюшка Тихон Мироныч, что купили, что продали? — толкуют между собою высшие городские власти.

— Меринка-то своего, что подпалой был, сбыл Митрошка-барышник мужи-чонку из Сосницкой волости за двадцать пять рублей — понравился. Так как-то, знаете, он ему перцу в неприличное место посыпал, в ноздрях да в ушах волосы выщипал, а как вывел, так конь передом и задом — понравился, сбыл!.. Ну а вы что изволили?

— Да опять дридираму двенадцать аршин на шаровары, не могу, чтобы не широкие были. Избаловала меня кавалерийская служба, с нее самой привычку эту несу... Супруга ваша?

— Известно, тряпья всякого нацапала: ситцев да кисеи да колец разных. Мучение-с!..

— Истинно, мучение, Тихон Мироныч, — мало по одной, по десяти, целым присутствием по рядам-то ходят да совещают, а купец — известно — рад бабьему толку, да шалью им и оказывает свое высокопочтание, а потом и взвоют наши барышни до новой ярмарки.

— Тяжелы времена, тяжелы стали. Пущай наши барышни да попадьи, таков закон уж, стало быть, а то вон и мещанки-то в немецкие платья оделись да и шляпки напялили. Тут уж и пришествие антихриста поневоле вспомяните!..

— Ну а вы что, приказные франты наши городские?

— Да сукнеца-с на сюртучок-с.

— Я того же-с, Тихон Мироныч.

— Платочек шелковой, голубенькой-с на шею-с заместо галстука — очень уж щетиной надоедают-с — колют!..

— А вот что, Тихон Мироныч, ярмарка-то наша, замечаю, безлюднее становится, народу съезжается меньше.

— Народу в Петербург очень много стало ходить, оттого и купцы неохотно собираются, да вот и офеней что-то мало, прежде, бывало, два-три воза в месяц и без ярмарки навертывались. Рассказывают, Москва их сбила!

— Недостаток и несовершенство путей сообщения мешают развитию производительных сил государства, железных дорог надо побольше, чтобы обмен продуктов производился и радикально и безостановочно! Вот в чем вся суть, господа! — решил недоразумение смотритель уездного училища, всегдаший глашатай всех книжных, вычитанных идей и судья и присяжный ценитель без апелляций.

— Однако все-таки скучно же, господа, без ярмарки, с нею как-то веселее, все, знаете, на людях, и для тебя будто и весь содом-то ярмарочный затеяли...

— Да уж чего бы Галич, например, и так же уездной городок, как наш, а смотришь, и там веселее! И гораздо веселее и не в пример веселее!

— Веселы те уездные города, где дворянства много и уездные предводители богатые люди, а посмотрите-ка там, где не живут дворяне, где нет службы по выборам, — ад кромешной, с тоски удавиться можно!..

— Да и это точно, как и верно то, что и вся-то наша уездная жизнь под одно присловье подходит; день да ночь — сутки прочь. Большего от нее не жди и не обманывайся! Безде хорошо только там, где нас нет, а куда ни заберемся — всюду свое привезем. Во грехах мы родились, грехами повиты, грехи нас и в гроб сводят. Черного кобеля не домоешься добела! И это верно!¹

ЛЕСНЫЕ ЖИТЕЛИ

Ой же вы, леса, леса темные!
Перестаньте вы праву веровать.
Веруйте вы в господа распятого,
Самого Егорья-света храброго.
Стали леса по-старому,
Стали леса по-прежнему.
Выходил Егорий на Святую Русь,
Увидал Егорий света белого,
Света белого, солнца красного.

Леса, непочатые и дремучие, подавляющие человеческий дух и силу, побеждены земледельцем. Он принадлежал к новому пришлому народу славянского племени и русского имени и принес с собою сюда три нехитрых, грубого дела, но испытанных орудия. С ними, с тремя кусками железа, кое-как отточенного и кое-как укрепленного на деревяшках в виде косы, топора и сохи затеял он борьбу с могучими силами суровой природы.

Борьба оказалась тяжелою и в большинстве случаев непосильна. Затянулась она на целые века; потребовала всей жизни отдельных людей, вызвала напряжение соединенных сил всего наличного числа способных к работе от мала до велика. Как сказочному богатырю злая вражья сила ставила на пути по семи неодолимых преград, так и этому, подлинному и живому богатырю негостеприимная суровая страна рассыпала эти преграды (или, по выражению народных сказаний, "заставы") щедрой рукой в поражающем избытке. Но, по примеру того же богатыря, Егория-света храбра (поэтически олицетворяющего в себе весь русский народ), этим лесам темным, выросшим в высочайшую стену от земли до самого неба, сказан был легкий, но крепкий зарок, который приведен в начале этой главы.

Вышедшему на тяжелую борьбу с испытанными орудиями, споровкой и терпением прислужился добрый дух-покровитель: он указал вход и выход, надежное место, где укрепиться. Борьба потеряла много страхов и опасностей, стала обещать успех и победу.

Земледельческому племени послужили помощью и оказали покровительство те же водяные пути: озера и реки, которые издревле облегчали труд движения и переселений. Они вывели земледельцев из дальних прикарпатских стран; они же привели их сюда на очень отдаленный север, в самые негостеприимные страны. И, поставив лицом к лицу со врагом, они же обеспечили возможность и первого натиска, и последующих нападений. Земледельцу стоило лишь проставить ногу и укрепить ее на надежной почве, чтобы и с немудреными орудиями дальнейшая победа была обеспечена. Прибрежья рек и озер именно представляются такими местами, которые наиболее обеспечивают быт людей и борьбу их с лесами.

Озера и реки нуждались в низменностях, на которых хвойные леса рости не любят (за исключением еловых, редкого насаждения). На озерных и речных прибрежьях олабевшая и остановившаяся сила хвойной растительности заменяется новою растительностью лиственных пород, более благоприятных для земледельца. Ежегодно спадающая с деревьев листва приготовляет перегной,